

© 1996 г.

Б.Ю. БЕРЗИН, В.Т. МАКЛАКОВ

ВЫБОРЫ ГУБЕРНАТОРА В РЕГИОНЕ

БЕРЗИН Борис Юрьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Уральской академии государственной службы. МАКЛАКОВ Владимир Тихонович — кандидат философских наук, доцент Уральской государственной консерватории им. МП. Мусоргского.

Прошедшие летом 1995 г. первые в России выборы губернатора Свердловской области стали событием заметным, даже исключительным. Они и были разрешены специальным указом Б.Н. Ельцина как «особый случай» в результате настойчивого давления областной Думы и ее тогдашнего председателя Э. Росселя, смещенного, как известно, в конце 1993 г. с поста председателя облисполкома также президентским указом за крамольную идею «Уральской республики». Конечно, за таким разрешением стояли не просто извинительный жест или фактор внешнего давления, а причина поглубже — намерение проверить перед туманным 17 декабря, днем выборов в Федеральную Думу, прочность постройку под названием «Наш дом — Россия» на территории одной отдельно взятой области, главой администрации которой стал назначенный после Э. Росселя А. Страхов. Он же воплощал среднеуральский вариант «Нашего дома». По этим и многим другим обстоятельствам выборы приобрели общероссийское значение, привлекли к себе естественное внимание центральных и зарубежных СМИ.

Оставаясь вместе с тем локальными, местными, они решительно отличались от всех предыдущих: впервые апробировались различные зарубежные модели выборной кампании; широко были задействованы и конкурировали государственные и независимые каналы телевидения, радио, органы печати, тратились немалые деньги. Воздействие на сознание (и подсознание) избирателя было весьма интенсивным, сопровождалось «сенсациями» и «разоблачениями».

Само сочетание «выборы губернатора» говорит об их исключительности, напоминая в новой форме классическую формулу неискоренимой русской склонности — соединять «французское с нижегородским». Отношение к ним было разное, в том числе и скептическое. Оно менялось: сначала — в связи с общим решением свыше об их проведении — сомнение в их целесообразности; после назначения определенного срока

6 августа и правила «50+ 1» голос избирателя для победителя, предполагающего думать о вероятности 2-го тура, — сомнение в их результативности и сожаление о величине возможных значительных расходов; наконец, на фоне тезиса «избиратель устал от выборов» и летних хлопот рядовых граждан — сомнение в участии 25% избирателей, необходимых для состоятельности выборов. Работало много социологических групп, в том числе из Москвы, большая часть кандидатов в губернаторы прибегала к их услугам. Применялись разнообразные техники и, через призму «своего» интереса, соответственно, получались разные, порой контрастные, данные и истолкования.

В основе статьи — материалы работы исследовательской группы, сложившейся на базе кафедры социологии и психологии Уральской академии госслужбы (ранее — Уральский кадровый центр) и занимающейся в течение последних лет изучением общественного мнения, в том числе в связи с прошедшими выборами. Последнее

исследование имело областной характер; проводилось по выборке, учитывающей социально-демографические признаки, географический фактор, тип поселения, т.е. по основным характеристикам они соответствовали генеральной совокупности. Прошло четыре экспресс-опроса, каждый из них охватывал 10—15 городов и районов Свердловской области: 1-й опрос прошел в начале лета после установления даты выборов, 2-й — в середине июля, 3-й — за неделю до 6 августа, 4-й — на неделе, предшествующей второму голосованию. В каждом из них было опрошено соответственно 1 200, 1 000, 1 800, 1 000 респондентов.

В преддверии. В течение последних лет жизни области показатели состояния различных сфер — экономические, социальные, правоохранительные, экологические, демографические — неуклонно снижались, опустились по ряду позиций ниже общероссийских. Особенно высоким было снижение объема капиталовложений в производство (на 28% по отношению к уровню 1993 г.), объема промышленного производства (почти на 20%), легкой промышленности (около 40%). Вдвое возросли число безработных и заболеваемость населения, средний уровень социальной обеспеченности снизился примерно на 40% по отношению к уровню 1991 г., по этому показателю область вошла в шестую десятку по России. Обострились вопросы безопасности граждан и их собственности, высокими темпами ухудшалось состояние природной среды. Нарастала дифференциация населения по доходам: 10% наиболее обеспеченных имели доходы в 10 раз выше 10% наименее обеспеченных. В сравнении с соседними Пермской и Челябинской областями. Свердловская имела больший дефицит бюджета.

Эти статистические данные, конечно, преломились в показателях социально-психологического самочувствия, определяющих поведение избирателей накануне выборов и ставших фоновыми для исследования. Индикаторами самочувствия были: удовлетворенность жизнью, оценки своего материального положения, уровня цен, ситуации в стране, состояния дел на своем предприятии, отношение к федеральной и областной власти.

Исходя из наших данных, летом 1995 г. число людей, которые довольны жизнью, удовлетворены своим материальным положением, сумели благополучно приспособиться к обстоятельствам, составляло, вероятно, не более 5% населения. Условно назовем его полюсом благополучия. Число тех, кто находится на противоположном полюсе, составило 25—27%. Для них характерна негативная оценка всех сторон жизни, неприятие новых ценностей и норм, негативное отношение к существующей власти на всех уровнях, глубокий пессимизм. В этой группе в сравнении с «благополучной» в три раза выше число тех, у которых общая ситуация в стране вызывает чувства «раздражения», «тревоги», «страха». Группа с плохим самочувствием имеет вполне зримый социальный знаменатель: в ней большую долю, чем в среднем по массиву опрошенных, составляют жители малых городов и сельской местности, люди пожилого возраста, с низким уровнем образования, пенсионеры. Именно здесь локализуется социальное неблагополучие. Напротив, доля лиц с хорошим самочувствием, будучи небольшой, присутствует почти во всех социально-демографических группах, включая и пенсионеров, и людей с низким образованием, и рядовых работников, и специалистов. Это свидетельствует о том, что социальное благополучие сегодня в значительной степени зависит от житейских обстоятельств, индивидуальных качеств, отношения человека к образу «благополучия», т.е. социальное благополучие, вероятно, пока не статифицировано.

Социально-психологическое самочувствие остальной части опрошенных точно определить нельзя: одни стороны своей жизни они оценивают как благоприятные, другие — как неблагоприятные. Допустим, о своем материальном положении они говорят как о более или менее терпимом, а о ситуации в стране — как о «раздражающей» и «тревожной». Заметим, здесь просматриваются корни неопределенности в политических, личностных ориентациях и поведении людей, особенно горожан, которые проявят себя в зигзагах и неожиданностях выборов.

По данным июльского опроса, оценили общую ситуацию на своем предприятии (в учреждении) как неблагоприятную — 47%, в стране — как тревожную — 41%, как «раздражающую» — 26% респондентов. Около 80% недовольны тем, как складывается их жизнь, более половины говорили о невозможности выдержать нынешний уровень цен. В развитии России за последние Шлет 7% увидели движение вперед, 17% констатировали «новый застой», а 72% — движение вспять. И так, к моменту областных выборов зримым было накопление усталости, неудовлетворенности, скрытых или явных оппозиционных настроений среди населения.

Другая важная грань самочувствия в выборной перспективе — отношение к власти, политические ориентации. По материалам наших опросов, этот интерес в последнее время распределялся так: 20% — отсутствие интереса к политике, 40% — мимо-летний (от случая к случаю) интерес, около 40% признавали устойчивый к ней интерес при одновременном неучастии в этой деятельности, из них 10% считали, что хорошо разбираются в политике. Тенденция деполитизации настроений, связанная с перемещением интересов и реальной активности людей в сферы повседневного существования, изменением экономического поведения, особенно заметна в крупных городах, прежде всего в Екатеринбурге. Процессы адаптации к новым социально-экономическим обстоятельствам и соучастие в них здесь наиболее глубоки.

Невысокий уровень доверия к институтам власти подтвердил общую тенденцию деполитизации. К лету 95-го поддержку Президенту и намерение голосовать на него сохраняли только 10% избирателей. Президент имел лидирующие позиции в потенциальном списке кандидатов на этот пост, занимая 1—2 места и деля их с Г. Явлинским. В июле 95-го это постоянство было нарушено появлением на первой позиции фигуры А. Лебедева. Если смотреть через призму экономического положения, среди тех, кто оценивал его как благоприятное для себя, число сторонников Б. Ельцина было наибольшим (23%), напротив, из оценивающих свое положение как невыносимое лишь 5% подтверждали желание снова видеть его на посту Президента. На скромном уровне держался показатель доверия к Правительству РФ (14%) и Госдуме (9%).

Если говорить о степени доверия к местным органам власти, то при общем его невысоком уровне наблюдалось некоторое смещение к большему доверию областной администрации (июль 95-го: администрация области — 20%, областная Дума — 14%). По уровню недоверия оценки, естественно, возрастали и выравнивались (администрация — 41%, Дума — 43%). Заметим, в оценке ветвей власти рядовой избиратель сегодня чуть более лоялен к исполнительной, следуя, вероятно, инерции советского мышления.

В июле смогли определиться в своем отношении к партиям, движениям, блокам, лидерам менее половины опрошенных (45%). В области (без Екатеринбурга) выше других по числу сторонников стояли «Преобразование Отечества» Росселя, КП РФ, ЛДПР; в Екатеринбурге — «ЯБЛока», Объединенный демократический блок, «Вперед, Россия». По сравнению с думскими выборами 1993 г., возросла популярность движения Г. Явлинского, сохранили свои позиции коммунисты и ЛДПР, снизился электорат ДВР Е. Гайдара.

В преддверии выборов губернатора лидирующие позиции по симпатиям заняли новые общественно-политические движения — «Преобразование Отечества» и «Наш дом — Россия», их кандидаты Э. Россель и А. Страхов, глава Думы и глава администрации. Собрать необходимое число подписей и выдвинуть своих кандидатов смогли коммунисты и жириновцы. ДВР решить эту задачу не сумел и в итоге поддержал «третью фигуру» В. Трушникова, на этот период — заместителя главы администрации и руководителя правительства области. Последний получил также поддержку «ЯБЛока» и экологического движения, «Вперед, Россия» протянул руку «Нашему дому...».

В этой связи интересны мнения людей о значимости и возможности должности губернатора области и динамика этого мнения, которые выявились в предшествующих 1-му туру опросах. Все три опроса фиксировали его высокую значимость

в глазах избирателей: значительную зависимость жизни населения от того, кто стоит во главе областной администрации, выражали 60% — в первом, почти 40% — в третьем опросах; относительную зависимость — 22% — в первом и 26% — в третьем; отсутствие зависимости — соответственно, 6 и 7%. Это говорит, во-первых, о заинтересованной установке жителей к событию под названием «Выборы губернатора», и, во-вторых, о сдвиге к более реалистическому восприятию должности губернатора в ходе выборной кампании.

Первый тур. В него вступили 9 кандидатов. По основанию представительства, которое стало решающим, особенно на первом этапе, их можно распределить на 3 группы. Первую тройку составили высокопоставленные представители областной власти: А. Страхов и В. Трушников — исполнительной, Э. Россель — представительной. Они и разыграли основную партию. Вторую группу составили представители известных партий: от КП РФ — В. Кадочников, партийный руководитель области последних лет перестройки, ставший впоследствии директором акционерного общества и решивший сейчас обновить свой политический опыт; от ЛДПР — С. Мартянов, режиссер-документалист. Они были поддержаны лидерами своих партий; их выборные установки и критические суждения были жесткими, простыми и соответствовали известным партийным декларациям. Правда, результат различный: представитель коммунистов стал четвертым (9%), либерал-демократов — последним (2%).

Третья группа была самой многочисленной, молодой, пестрой и показательной. Ее составили люди нового поколения, поднявшиеся в последние годы каждый по-своему на финансово-экономическом поприще. Оборот «новые русские» здесь вполне уместен. Губернаторские выборы дали возможность этому новому имущественному и управленческому слою заявить о себе. Местные средства информации сообщали о них немало. Выйдя на публичное обозрение, эта группа осталась все же наиболее закрытой. По отношению к областной власти входящие в нее кандидаты старались держаться независимо. Исключение — Л. Некрасов, депутат Госдумы, соратник К. Борового по Партии экономической свободы. Он, заручившись поддержкой со стороны главы администрации, решил набирать очки обещаниями компенсировать потери обманутых вкладчиков, не потянул этот воз и сошел с дистанции, призвав избирателей и не имеющих шансов на успех коллег-кандидатов поддержать А. Страхова. Такой ход встретил с их стороны возражения. Был ли он продуманным или представлял неудачную импровизацию — остается неясным, однако, такой исход этой первой «микросенсации» на дистанции выборов оказался симптоматичным.

Оставшиеся трое претендентов мотивировали свой поход в губернаторство задачей стабилизации или развития экономики, создания новых рабочих мест, апеллировали к личному опыту. Один (Е. Зяблицев) в жесткой форме совмещал тезисы о сильном централизованном российском государстве и опеке национального капитала, другой (А. Калетин) выступал за федерализм и самостоятельность области как основу развития предпринимательства. Третий (М. Гайсин) выглядел наиболее нестандартно. Он представлял себя как вышедшего из социальных низов, единственного среди претендентов, не имевшего высшего образования, прошедшего в былые годы тенеты альтернативной теневой экономики, а ныне после приватизации владельца многих предприятий, он не скрывал задачи их укрепления и с этой точки зрения смотрел на свое избрание. В результате трио заняло места между кандидатами коммунистов и жириновцев: Гайсин получил 5% голосов, Калетин — 3,4%, Зяблицев — 3%.

Вернемся к первой группе. На начало выборной кампании в июне Э. Россель более чем вдвое опережал А. Страхова по рейтингу популярности (соответственно 28 и 13% опрошенных). Показатель В. Трушников был скромным — 2,8%, в течение июля он практически не изменился, увеличившись на 0,5% и стал резко расти уже перед 6 августа. В июле по области рейтинг Росселя снижался, Страхова — возрастал, достигнув максимума в середине месяца; произошло сближение уровня популярности при сохранении небольшого перевеса главы Думы. Наиболее зримые изменения были в Екатеринбурге, где вторую половину месяца Страхов уже устойчиво лидировал.

Главные конкуренты избрали разные модели поведения и воздействия на электорат. Это определялось рядом обстоятельств: отношениями с Москвой, финансовыми ресурсами, личностными качествами претендентов, состоянием массового сознания в области и Екатеринбурге, деловыми и личными связями, наконец, идеологическими программными декларациями.

Выборная модель Страхова была двуплановой, ее можно назвать традиционно-модернистской. С одной стороны, как руководитель исполнительной власти он по советскому еще стандарту мог опереться на поддержку центра (вопрос был только в степени явности этой поддержки) и местной исполнительной власти, хозяйственных руководителей, которые в районах привычно многое определяют. Судя по просочившейся информации, попытки собрать руководителей с мест и склонить их в определенную сторону предпринимались, но не дали однозначного результата: единодушия не было. С другой стороны, в чем состояла новизна - модель впервые столь очевидно ориентировалась на всеокрушающую мощь mass-media.

Подтверждение тому — «зеленый свет» Страхову на каналах Центрального телевидения, ОРТ и Российском; скрытая антиреклама в адрес Росселя, которую позволяли себе некоторые известные телеведущие; заинтересованная работа Свердловской государственной телерадиокомпании, формально независимых органов областной прессы. В этом направлении работали многочисленные десанты в Екатеринбург популярных артистов и политических деятелей. Имелись немалые финансовые ресурсы: 100 тыс. долларов телекомпаниям на рекламу кандидата, 25 млрд. рублей— официальная цифра общих затрат.

Несомненно, набирающая обороты пропагандистская машина была направлена прежде всего на жителей Екатеринбурга, имеющих, как отмечалось, наибольший по численности и неопределенности выбора электорат. Вот почему уровень популярности Страхова в середине июля достиг своего пика. Далее он снижался, но в ареале областного центра в сравнении с уровнем Росселя это снижение было более плавным. Не случайно создавалось ощущение равенства шансов главных соперников на победу, остроты борьбы и неясности исхода.

Выборная модель Росселя была иной и, как показали итоги, более эффективной. В ней тоже большой вес имели СМИ, особенно новые негосударственные каналы ТВ, радио, альтернативной прессы. Акцент же был сделан на непосредственное общение с избирателями на всей территории области, в городах и на предприятиях: 250 встреч, по 10 в день в ходе первого тура. Такую модель можно было бы назвать «выездной». Отметим, стоимость затрат на избирательную кампанию Росселя составила 2 млрд. рублей.

Если соотносить избирательные программы, надо признать, что степень их разработанности и убедительности была разной. Программа Страхова исходила из тезиса о наметившейся при его руководстве и возможной в дальнейшем при сохранении статус-кво социально-экономической стабилизации, не подтверждавшейся, как отмечалось, статистическими и социально-психологическими данными; поэтому выглядела благодушной, неконструктивной. Программа Росселя была критичной в отношении сложившейся ситуации, оценивая ее как ухудшающуюся, более профессиональной, развернутой, предлагающей новые решения, по крайней мере сулящие перемены снизу.

Но главное различие не в качестве программ, а в потенциале заложенных в них идей и олицетворяющих эти идеи личностей. Идея Страхова «сильные регионы — сильная Россия», будучи как будто верной и привлекательной, умалчивала в качестве третьего члена этой формулы сохранение традиционного монопольного центра, потому звучала декларативно на фоне недоверия населения к федеральной власти. Напротив, идея Росселя о равенстве прав и субъектов Российской Федерации и на этой правовой и экономической основе развитие региональной самостоятельности, местного самоуправления, возможно, вызывала у рядового избирателя колючие ассоциации с опасностями сепаратистских пережестов последних лет. подпитываемые противо-

положительной стороной. Однако на фоне общего недовольства и разочарования она выглядела более привлекательной, дающей надежды. Конечно, в восприятии этой идеи большое, если не определяющее, значение имели биографические и личные качества кандидата: шлейф «опальности» и «упрямство» в ее отстаивании.

Июльские опросы показывали, что потенциальный электорат Страхова более сосредоточен в Екатеринбурге, Росселя — в области. По половозрастным, образовательным и профессиональным параметрам электоральные различия были незначительными: во всех группах сторонники Страхова и Росселя распределялись равномерно. Зримыми и более интересными были различия по социальному самочувствию и отношению к власти. Возможный электорат Страхова отличался более благоприятным самочувствием. Здесь было меньше людей, неудовлетворенных своей жизнью, материальным положением, и больше тех, кто доверяет правительству РФ (45%, среди сторонников Росселя — 36%), поддерживает движение НДР (соответственно 16 и 7%), доверяет областной администрации (около 50 и 7%). В электорате Росселя социальное самочувствие опрошенных было хуже: здесь почти втрое больше считавших ситуацию по месту работы крайне неблагоприятной. Эти люди выделялись высокой степенью готовности участвовать в выборах и заинтересованностью в победе именно этого кандидата.

Голосование 6 августа, в котором приняли участие 1 млн. 190 тыс. избирателей (37%), принесло по трем основным претендентам следующие результаты: Э. Россель — 27,8%, А.Страхов — 25,7%, В. Трушников — 21,4%. Были подтверждены прогнозные ожидания в отношении активности населения на выборах, незначительности перевеса Росселя в целом и его отставания в областном центре, за исключением столь высокого процента Трушникова. «Эффект Трушникова» стал, пожалуй, главной неожиданностью первого тура, задавшей интригу второму.

Сдвиг в его популярности произошел в течение недели. Трушников явился той «третьей силой», которая, во-первых, оттянула на себя голоса многих колеблющихся в вопросе участия в выборах (26%) и неопределившихся в выборе кандидатуры (28%). Голосовавшие «в последний момент» были преимущественно голосовавшими «за Трушникова». Во-вторых, он был поддержан на местах административно-хозяйственным аппаратом, знающим его как прямого руководителя. В-третьих, вероятно, сыграл свою роль визит в Екатеринбург ушедшего в политику командарма А. Лебеда, призвавшего избирателей не колебаться в выборе достойного. В-четвертых, весьма эффективной была деятельная команда, в которую вошли молодые, неординарно мыслящие политические менеджеры. В ходе короткой и интенсивной избирательной кампании Трушникову удалось дистанцироваться от своих руководителей-соперников, преодолеть комплекс «вторичности», представляя себя как «человека дела», который не имел ранее возможности развернуться.

Итоги первого тура сняли сомнения в заинтересованности населения процедурой губернаторских выборов, выявили остроту и переклесты избирательной борьбы, потенциал главных конкурентов и других претендентов, и, не дав необходимого для победы числа голосов ни одному из них, создали ситуацию неопределенности во втором туре.

Второй тур. Сразу отметим главный и неожиданный для всех результат: безоговорочная с двойным перевесом победа Росселя (60% голосов из числа принявших участие в выборах) над Страховым (32%) в этом туре, в том числе в Екатеринбурге. Здесь загадка, на которую можно дать приблизительный ответ.

Сначала формальный момент. Как видно, активность избирателей в первом голосовании была весомой — 37%, из них около 5% проголосовали «против всех», более 45% — за «других» кандидатов. Логично было полагать, что эта часть электората, оставшись без «своего» кандидата и не принимая двух оставшихся (российский избиратель, как известно, юн и упрям), но сохраняя выборную энергию, даст более высокий процент проголосовавших «против всех». Последний опрос на второй неделе тура показывал, что Россель может рассчитывать на 27%, Страхов — на 18%. 30% опро-

шенных не хотели отдавать свои голоса никому, 19% не определились. Даже с учетом коэффициента занижения данных опроса (10—30% в зависимости от методики исследования) возрастающий процент «негативных» голосований сделал бы второй тур нерезультативным. При высокой явке (допустим, 40% и более) и сохранении в ней группы избирателей с установкой «против всех» Россель подтвердил бы свое преимущество, но не добился искомой победы. Напротив, при невысокой явке (около 30%) и неучастии этой группы в голосовании его победа могла быть абсолютной. Фактическая активность избирателей оказалась ниже прежней, но достаточной — 34%, число проголосовавших «против всех» почти не изменилось — 6%, что и принесло известный результат, т.е. подавляющая часть голосовавших во втором туре пришла на него с целевым решением — «голосовать за Росселя».

Что же произошло с электоратом? Это содержательный момент, связанный с перераспределением позиций избирателей. Поведение электората Трушникова имело для итогов тура как будто решающее значение. Не случайным было заключение союза «в верхах», в результате которого Трушников призвал своих избирателей отдать голоса Росселю; появилась соответствующая видеореклама. Ответом на это была акция возмущения «поверивших» Трушникову и «обманутых» им избирателей, организовано прошедшая в местной прессе. За Росселя призвал голосовать другой «аутсайдер», кандидат коммунистов, получивший в первом туре четвертую позицию.

В многочисленных комментариях к итогам первых губернаторских выборов именно голоса от Трушникова и коммунистов оценивались как та существенная прибавка, что определила победу Росселя. Конечно, впервые в избирательной практике реальный союз двух кандидатов был тактически целесообразен, однако наш «рядовой» гражданин вел себя не по заданной сверху логике. Сошлемся на интересные данные о перераспределении симпатий избирателей. Согласно им электорат Росселя остался самым устойчивым: 94% избирателей, голосовавших за него в первом туре, подтверждали намерение голосовать также. Электорат Страхова чуть менее устойчив (86%). В электорате Трушникова голосовать за Росселя намеревались 25%, за Страхова — 15%; в электорате коммунистов — соответственно 21 и 7%, т.е. кандидатура Росселя оказалась более предпочтительной для избирателей из электората «выбывших» (за немногими исключениями), но не они стали единственной и определяющей добавкой для перевеса Росселя в целом. Данные последнего областного опроса свидетельствуют о притоке «новой волны» избирателей, не голосовавших первый раз (более 1/3 намеревавшихся принять участие во втором голосовании), при параллельном значительном оттоке электората аутсайдеров. Это был преимущественно электорат Росселя, который в результате сильно «прибавил». Итог же — двойное превосходство.

Напрашивается ряд предположений: во-первых, не исключены устойчивость и переменчивость в настроениях избирателя, который в последнюю неделю и накануне голосования склонялся к определенному решению. Эффект «последней недели», даже «последних дней» так или иначе довлел над качеством социологических прогнозов. Во-вторых, возможно внешнее давление местных администраций, которые также в последний момент определялись «на кого поставить», как на избирателя, так и на избирательные комиссии. Первые губернаторские выборы в России стали событием чрезвычайно интересным, драматичным и результативным, не вписывающимся в региональные рамки, хотя и имели естественный отпечаток конкретных обстоятельств. Они открыли, пожалуй, новую полосу политического развития страны, череду «больших» выборов, но рассматривать их исключительно в такой перспективе было бы неточно. Это в отличие от перестроечных лет были уже выборы нового поколения, когда на фоне кризисного постсоветского проживания-выживания романтическая идея выборов, к тому же замкнутых на вершину государственной пирамиды, потеряла былой ореол. Поэтому на тезис об усталости от выборов (речь надо вести об усталости от определенных выборов) можно выдвинуть противоположный: к действительным выборам российский избиратель еще не приступал.

В них совместились традиционные способы протезирования кандидатов через аппарат сверху и снизу и новые механизмы избирательной борьбы на основе мощного финансирования, широкого включения всего разнообразия средств массовой информации, политической рекламы, создания благоприятного имиджа и, напротив, его разрушения вплоть до применения неблагоприятных и провокационных приемов. Общая стоимость двухтуровых выборов для областного бюджета (без затрат кандидатов) составила 18 млрд. рублей.

Получили апробацию такие составляющие избирательной кампании кандидата, как личность, «легенда» — харизма и ее качество, характерные идеи — концепция, потенциал команды, денежное обеспечение. Каждый из них значим, необходим для победы, но важна пропорция. В «варианте Росселя» преобладали первые составляющие, в «варианте Страхова» — деньги, но вопреки их современному всеию — «холостой» исход его кампании. По данным последнего опроса, среди причин, определивших выбор избирателя, в электорате Росселя первенствовали: выступления кандидата со своей предвыборной программой — 35% (средний показатель 24%), личности кандидата — 28% (средний — 17%). В электорате Страхова были такие причины, как «мнения друзей, знакомых, родственников» (соответственно 14 и 10%), «поддержка уважаемых людей» (6 и 3%), реклама (9 и 4%). При всей определенной близости электоратов того и другого по социально-демографическим данным и различии по самочувствию, Росселя выбирали люди, более склонные к независимому поведению и самостоятельному выбору. Нестандартная личность и стоящая за ней идея самостоятельности области определили ориентации большинства голосовавших избирателей.

Весь информационно-пропагандистский поток избирательной кампании концентрировался в своего рода обобщенные образы — символы основных кандидатов-соперников, представленных содержательными оппозициями. С ними столкнулся рядовой избиратель, между этими полярностями вызревало его решение. Среди основных вполне явных оппозиций можно выделить по крайней мере четыре: «москвит» (в смысле «опекаемый Москвой») — регионалист, хозяйственник — политик, русский — нерусский, бедный — богатый. Первые полюса кристаллизовались в «образе Страхова», вторые — «образе Росселя». Первичная и главная оппозиция ясна из предыдущего изложения. Тема «Уральской республики» у сегодняшнего Росселя претерпела мутацию, приобрела облик «областной самостоятельности», что позволило ему быть более выразительным в сравнении с мотивом стабильности на основе дружбы с центром у оппонента, хотя это, конечно, не сняло пропагандистских обвинений в сепаратизме. Избиратель уверениям о стабилизации, подумав и поколебавшись, не поверил и, ощущая на себе последствия экономического и социального спада, экологическое неблагополучие (эффект экологической катастрофы в Челябинской области и неэффективность ее решения через центральные программы начинает доходить до северных соседей), решил поддержать росселевский мотив в его нынешнем звучании. Определенной вариацией этой оппозиции было пронизывающее всю выборную кампанию противостояние областного центра и областной периферии, где поддержка главных претендентов была различной.

Вторая и третья оппозиции стали продолжением первой. Страхов делал акцент на восстановлении хозяйственных связей, выделял свой опыт в этой области и сознательно дистанцировался от политики. Россель, напротив, свою политичность не скрывал, считая ключом к вопросу об экономической самостоятельности договорное политическое соглашение с федеральным центром. Конфронтация с ним, прежде всего с фигурой Президента, исключалась, но оппозиционность сохранялась. Как показывали опросы (неявно, в качестве устных комментариев при анкетировании), национальная принадлежность претендента на пост была важным обстоятельством для избирателей. Одни считали «русский» необходимым признаком для человека на губернаторском посту, другие, вероятно, полагали корень «рос» в немецкой фамилии

тоже достаточным признаком, третьи именно «немецкость» сочли достоинством, а не препятствием. Наконец, не обошлось без традиционной дилеммы «о бедном и богатом» в форме привычной в последнее время шумной акции о «скромном домике» Страхова и «роскошных хором» Росселя, которая не сработала и, судя по всему, дала обратный эффект.

И последнее, может быть, главное следствие — об общероссийской перспективе формирования нового типа федерации. Ограничение выборных кампаний лишь созданием институтов центральной власти при консервации местных выборов и сохранении «комиссарской» системы назначения руководителей областей сверху или сбоку, но не снизу ведет (или привело) к дискредитации идеи демократии, девальвации политической деятельности как представительной и профессиональной. Уральские выборы лета 95-го можно назвать «выборами отчаяния», попыткой прорыва. Они стали выражением глубокой, конечно, еще неосознаваемой, неудовлетворенности населения тем направлением государственного строительства «новой России», которая обозначалась в последние реформенные годы. Показательны неосновательность создаваемых в центре партий, представляющих интересы регионов, заданный способ формирования Совета Федерации на «неизбираемых» представителей областей и, в противовес, превращение широкого общественного движения «Преображение Урала» в «Преображение Отечества» с намерением ввести своих представителей в Государственную Думу после декабрьских выборов. Возникшее в провинции движение ставит цель мирным путем войти в Москву. Что принесет «новый регионализм» Росселя Свердловской области и стране? Но это будет другой разговор в другое время и на новой социологической основе.